Время секонд-хэнд

Автор:
Светлана Алексиевич

Время секонд хэнд

Светлана Александровна Алексиевич

Голоса Утопии #5

Завершающая, пятая книга знаменитого художественно-документального цикла «Голоса Утопии» Светланы Алексиевич, лауреата Нобелевской премии по литературе 2015 года «за многоголосное творчество – памятник страданию и мужеству в наше время». «У коммунизма был безумный план, – рассказывает автор, – переделать “старого” человека, ветхого Адама. И это получилось… Может быть, единственное, что получилось. За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип – homo soveticus. Одни считают, что это трагический персонаж, другие называют его “совком”. Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он – это я. Это мои знакомые, друзья, родители». Монологи, вошедшие в книгу, десять лет записывались в поездках по всему бывшему Советскому Союзу.

Светлана Алексиевич

Время секонд хэнд

© Светлана Алексиевич, 2013

© «Время», 2013

Жертва и палач одинаково отвратительны, и урок лагеря в том, что это братство в падении.

Давид Руссе. Дни нашей смерти

Во всяком случае, нам надо помнить, что за победу зла в мире в первую очередь отвечают не его слепые исполнители, а духовно зрячие служители добра.

Ф. Степун. Бывшее и несбывшееся

Записки соучастника

Мы прощаемся с советским временем. С той нашей жизнью. Я пытаюсь честно выслушать всех участников социалистической драмы…

У коммунизма был безумный план – переделать «старого» человека, ветхого Адама. И это получилось… может быть, единственное, что получилось. За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип – homo soveticus. Одни считают, что это трагический персонаж, другие называют его «совком». Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он – это я. Это мои знакомые, друзья, родители. Несколько лет я ездила по всему бывшему Советскому Союзу, потому что homo soveticus – это не только русские, но и белорусы, туркмены, украинцы, казахи… Теперь мы живем в разных государствах, говорим на разных языках, но нас ни с кем не перепутаешь. Узнаешь сразу! Все мы, люди из социализма, похожие и не похожие на остальных людей – у нас свой словарь, свои представления о добре и зле, о героях и мучениках. У нас особые отношения со смертью. Постоянно в рассказах, которые я записываю, режут ухо слова: «стрелять», «расстрелять», «ликвидировать», «пустить в расход» или такие советские варианты исчезновения, как: «арест», «десять лет без права переписки», «эмиграция». Сколько может стоить человеческая жизнь, если мы помним, что недавно погибали миллионы? Мы полны ненависти и предрассудков. Все оттуда, где был ГУЛАГ и страшная война. Коллективизация, раскулачивание,

переселение народов…

Это был социализм, и это была просто наша жизнь. Тогда мы мало о ней говорили. А теперь, когда мир необратимо изменился, всем стала интересна та наша жизнь, неважно какой она была, это была наша жизнь. Пишу, разыскиваю по крупицам, по крохам историю «домашнего»… «внутреннего» социализма. То, как он жил в человеческой душе. Меня всегда привлекает вот это маленькое пространство – человек… один человек. На самом деле там все и происходит.

Почему в книге так много рассказов самоубийц, а не обыкновенных советских людей с обыкновенными советскими биографиями? В конце концов, кончают с собой и из-за любви, из-за старости, просто так, ради интереса, из-за желания разгадать секрет смерти… Я искала тех, кто намертво прирос к идее, впустил ее в себя так, что не отодрать – государство стало их космосом, заменило им все, даже собственную жизнь. Они не смогли уйти из великой истории, распрощаться с ней, быть счастливыми иначе. Нырнуть… пропасть в частном существовании, как это происходит сегодня, когда маленькое стало большим. Человек хочет просто жить, без великой идеи. Такого никогда не было в русской жизни, этого не знает и русская литература. В общем-то, мы военные люди. Или воевали, или готовились к войне. Никогда не жили иначе. Отсюда военная психология. И в мирной жизни все было по-военному. Стучал барабан, развевалось знамя… сердце выскакивало из груди… Человек не замечал своего рабства, он даже любил свое рабство. Я тоже помню: после школы мы собирались всем классом поехать на целину, презирали тех, кто отказывался, до слез жалели, что революция, гражданская война – все случилось без нас. Оглянешься: неужели это мы? Я? Я вспоминала вместе со своими героями. Кто-то из них сказал: «Только советский человек может понять советского человека». Мы были люди с одной коммунистической памятью. Соседи по памяти.

Отец вспоминал, что он лично в коммунизм поверил после полета Гагарина. Мы – первые! Мы все можем! Так они с мамой нас и воспитывали. Я была октябренком, носила значок с кудрявым мальчиком, пионеркой, комсомолкой. Разочарование пришло позже.

После перестройки все ждали, когда откроют архивы. Их открыли. Мы узнали историю, которую от нас скрывали…

«Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить» (Зиновьев, 1918).

«Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 1000 завзятых кулаков, богатеев… отнять у них весь хлеб, назначить заложников… Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал…» (Ленин, 1918).

«Москва буквально умирает от голода» (профессор Кузнецов – Троцкому). – «Это не голод. Когда Тит брал Иерусалим, еврейские матери ели своих детей. Вот когда я заставлю ваших матерей есть своих детей, тогда вы можете прийти и сказать: “Мы голодаем”» (Троцкий, 1919).

Люди читали газеты, журналы и молчали. На них обрушился неподъемный ужас! Как с этим жить? Многие встретили правду как врага. И свободу тоже. «Мы не знаем свою страну. Не знаем, о чем думает большинство людей, мы их видим, встречаем каждый день, но о чем они думают, чего хотят, мы не знаем. Но берем на себя смелость их учить. Скоро всё узнаем – и ужаснемся», – говорил один мой знакомый, с которым мы часто сидели у меня на кухне. Я с ним спорила. Было это в девяносто первом году… Счастливое время! Мы верили, что завтра, буквально завтра начнется свобода. Начнется из ничего, из наших желаний.

Из «Записных книжек» Шаламова: «Я был участником великой проигранной битвы за действительное обновление жизни». Написал это человек, отсидевший семнадцать лет в сталинских лагерях. Тоска об идеале осталась… Советских людей я бы разделила на четыре поколения: сталинское, хрущевское, брежневское и горбачевское. Я – из последнего. Нам было легче принять крах коммунистической идеи, так как мы не жили в то время, когда идея была молодая, сильная, с нерастраченной магией гибельного романтизма и утопических надежд. Мы выросли при кремлевских старцах. В постные вегетарианские времена. Большая кровь коммунизма уже была забыта. Пафос свирепствовал, но сохранилось знание, что утопию нельзя превращать в жизнь.

Это было в первую чеченскую войну… Я познакомилась в Москве на вокзале с женщиной, она была откуда-то из-под Тамбова. Ехала в Чечню, чтобы забрать сына с войны: «Я не хочу, чтобы он умирал. Я не хочу, чтобы он убивал». Государство уже не владело ее душой. Это был свободный человек. Таких людей было немного. Больше было тех, кого свобода раздражала: «Я купил три газеты и в каждой своя правда. Где же настоящая правда? Раньше прочитаешь утром газету “Правда” – и все знаешь. Все понимаешь». Из-под наркоза идеи выходили медленно. Если я начинала разговор о покаянии, в ответ слышала: «За что я должен каяться?» Каждый чувствовал себя жертвой, но не соучастником. Один говорил: «я тоже сидел», второй – «я воевал», третий – «я свой город из разрухи поднимал, днем и ночью кирпичи таскал». Это было совершенно неожиданно: все пьяные от свободы, но не готовые к свободе. Где же она, свобода? Только на кухне, где по привычке продолжали ругать власть. Ругали Ельцина и Горбачева. Ельцина за то, что изменил Россию. А Горбачева? Горбачева за то, что изменил все. Весь двадцатый век. И у нас теперь будет, как у других. Как у всех. Думали, что на этот раз получится.

Россия менялась и ненавидела себя за то, что менялась. «Неподвижный Монгол» – писал о России Маркс.

Советская цивилизация… Тороплюсь запечатлеть ее следы. Знакомые лица. Расспрашиваю не о социализме, а о любви, ревности, детстве, старости. О музыке, танцах, прическах. О тысячах подробностей исчезнувшей жизни. Это единственный способ загнать катастрофу в рамки привычного и попытаться что-то рассказать. О чем-то догадаться. Не устаю удивляться тому, как интересна обычная человеческая жизнь. Бесконечное количество человеческих правд… Историю интересуют только факты, а эмоции остаются за бортом. Их не принято впускать в историю. Я же смотрю на мир глазами гуманитария, а не историка. Удивлена человеком…

Отца уже нет. И я не могу договорить с ним один наш разговор… Он сказал, что им умирать на войне было легче, чем необстрелянным мальчикам, которые сегодня погибают в Чечне. В сороковые – они из ада попадали в ад. Перед войной отец учился в Минске в Институте журналистики. Вспоминал, что когда они возвращались с каникул, часто уже не встречали ни одного знакомого

преподавателя, все были арестованы. Они не понимали, что происходит, но было страшно. Страшно, как на войне.

У меня с отцом было мало откровенных разговоров. Он жалел меня. Жалела ли я его? Мне трудно ответить на этот вопрос… Мы были беспощадны к своим родителям. Нам казалось, что свобода – это очень просто. Прошло немного времени, и мы сами согнулись под ее бременем, потому что никто не учил нас свободе. Учили только, как умирать за свободу.

Вот она – свобода! Такую ли мы ее ждали? Мы были готовы умереть за свои идеалы. Драться в бою. А началась «чеховская» жизнь. Без истории. Рухнули все ценности, кроме ценности жизни. Жизни вообще. Новые мечты: построить дом, купить хорошую машину, посадить крыжовник… Свобода оказалась реабилитацией мещанства, обычно замордованного в русской жизни. Свободой Его Величества Потребления. Величия тьмы. Тьмы желаний, инстинктов – потаенной человеческой жизни, о которой мы имели приблизительное представление. Всю историю выживали, а не жили. А теперь военный опыт уже не нужен, его надо было забыть. Тысячи новых эмоций, состояний, реакций… Как-то вдруг все вокруг стало другим: вывески, вещи, деньги, флаг… И сам человек. Он стал более цветным, отдельным, монолит взорвали, и жизнь рассыпалась на островки, атомы, ячейки. Как у Даля: свобода-воля… волюшка-раздолюшка… простор. Великое зло превратилось в далекое сказание, в политический детектив. Никто уже не говорил об идее, говорили о кредитах, процентах, векселях, деньги не зарабатывали, а «делали», «выигрывали». Надолго ли это? «Неправда денег в русской душе невытравима», – писала Цветаева. Но будто ожили и разгуливают по нашим улицам герои Островского и Салтыкова-Щедрина.

У всех, с кем встречалась, я спрашивала: «Что такое – свобода?». Отцы и дети отвечали по-разному. У тех, кто родился в СССР, и тех, кто родился не в СССР, нет общего опыта. Они – люди с разных планет.

Отцы: свобода – отсутствие страха; три дня в августе, когда мы победили путч; человек, который выбирает в магазине из ста сортов колбасы, свободнее, чем человек, который выбирает из десяти сортов; быть непоротым, но непоротых

поколений нам никогда не дождаться; русский человек не понимает свободу, ему нужен казак и плеть.

Дети: свобода – любовь; внутренняя свобода – абсолютная ценность; когда ты не боишься своих желаний; иметь много денег, тогда у тебя будет все; когда ты можешь жить так, чтобы не задумываться о свободе. Свобода – это нормально.

Ищу язык. У человека много языков: язык, на котором разговаривают с детьми, еще один, это тот, на котором говорят в любви… А еще есть язык, на котором мы говорим сами с собой, ведем внутренние разговоры. На улице, на работе, в путешествиях – везде звучит что-то другое, меняются не только слова, но и что-то еще. Даже утром и вечером человек говорит по-разному. А то, что происходит ночью между двумя людьми, совершенно исчезает из истории. Мы имеем дело только с историей дневного человека. Самоубийство – ночная тема, человек находится на границе бытия и небытия. Сна. Я хочу это понять с дотошностью дневного человека. Услышала: «Не боитесь, что понравится?».

Едем по Смоленщине. В одной деревне остановились возле магазина. Какие знакомые (я же сама выросла в деревне), красивые, какие хорошие лица – и какая унизительная, нищая жизнь вокруг. Разговорились о жизни. «О свободе спрашиваете? Зайдите в наш магазин: водка стоит, какая хочешь: “Стандарт”, “Горбачев”, “Путинка”, колбасы навалом, и сыра, и рыбы. Бананы лежат. Какая еще свобода нужна? Нам этой хватит». – «А землю вам дали?» – «Кто на ней будет корячиться? Хочешь – бери. У нас один Васька Крутой взял. Младшему пацану восемь лет, а он рядом с отцом за плугом идет. У него, если наймешься на работу – не украдешь, не поспишь. Фашист!»

У Достоевского в «Легенде о Великом инквизиторе» идет спор о свободе. О том, что путь свободы трудный, страдальческий, трагический… «Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит?» Человек должен все время выбирать: свобода или благополучие и устроение жизни, свобода со страданиями или счастье без свободы. И большинство людей идет вторым путем.

Великий инквизитор говорит Христу, который вернулся на землю:

«Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать и сам это знаешь».

«Столь уважая его (человека), Ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него потребовал… Уважая его менее, менее от него и потребовал бы, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл… Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров?»

«Нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться… и кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается…»

* * *

В девяностые… да, мы были счастливыми, к той нашей наивности уже не вернуться. Нам казалось, что выбор сделан, коммунизм безнадежно проиграл. А все только начиналось…

Прошло двадцать лет… «Не пугайте нас социализмом», – говорят дети родителям.

Из разговора со знакомым университетским преподавателем: «В конце девяностых студенты смеялись, – рассказывал он, – когда я вспоминал о Советском Союзе, они были уверены, что перед ними открывается новое будущее. Теперь картина иная… Сегодняшние студенты уже узнали, прочувствовали, что такое капитализм – неравенство, бедность, наглое богатство, перед глазами у них жизнь родителей, которым ничего не досталось от разграбленной страны. И они радикально настроены. Мечтают о своей революции. Носят красные футболки с портретами Ленина и Че Гевары».

В обществе появился запрос на Советский Союз. На культ Сталина. Половина молодых людей от 19 до 30 лет считают Сталина «величайшим политическим деятелем». В стране, в которой Сталин уничтожил людей не меньше, чем Гитлер, новый культ Сталина?! Опять в моде все советское. Например,

«советские» кафе – с советскими названиями и советскими блюдами. Появились «советские» конфеты и «советская» колбаса – с запахом и вкусом, знакомыми нам с детства. И конечно, «советская» водка. На телевидении десятки передач, а в интернете десятки «советских» ностальгических сайтов. В сталинские лагеря – на Соловки, в Магадан – вы можете попасть туристом. Реклама обещает, что для полноты ощущений вам выдадут лагерную робу, кирку. Покажут отреставрированные бараки. А в конце организуют рыбалку…

Возрождаются старомодные идеи: о великой империи, о «железной руке», «об особом русском пути»… Вернули советский гимн, есть комсомол, только он называется «Наши», есть партия власти, копирующая коммунистическую партию. У Президента власть, как у Генсека. Абсолютная. Вместо марксизма-ленинизма – православие…

Перед революцией семнадцатого года Александр Грин написал: «А будущее как-то перестало стоять на своем месте». Прошло сто лет – и будущее опять не на своем месте. Наступило время секонд хэнд.

Баррикада – опасное место для художника. Ловушка. Там портится зрение, сужается зрачок, мир теряет краски. Там черно-белый мир. Оттуда человека уже не различишь, а видишь только черную точку – мишень. Я всю жизнь – на баррикадах, я хотела бы уйти оттуда. Научиться радоваться жизни. Вернуть себе нормальное зрение. Но десятки тысяч людей снова выходят на улицы. Берутся за руки. У них белые ленточки на куртках. Символ возрождения. Света. И я с ними.

Встретила на улице молодых ребят в майках с серпом и молотом и портретом Ленина. Знают ли они, что такое коммунизм?

Часть первая

Утешение апокалипсисом

Из уличного шума и разговоров на кухне (1991–2001)

Про Иванушку-дурачка и золотую рыбку

«Что я понял? Я понял, что герои одного времени редко бывают героями другого времени. Кроме Иванушки-дурачка. И Емели. Любимых героев русских сказок. Наши сказки – про везение, про миг удачи. Про ожидание чудесной помощи, чтоб все в рот само свалилось. Лежа на печи, иметь все. Чтобы печь сама блины пекла, а золотая рыбка все желания исполняла. Хочу то и хочу это. Хочу Царевну Прекрасную! И хочу жить в царстве ином – с молочными реками и кисельными берегами. Мы – мечтатели, конечно. Душа трудится и страдает, а дело мало движется, потому что на него сил уже не хватает. Дело стоит. Загадочная русская душа… Все пытаются ее понять… читают Достоевского… Что там у них за душой? А за душой у нас только душа. Поговорить любим на кухне, почитать книгу. Главная профессия – читатель. Зритель. И при этом ощущение своей особенности, исключительности, хотя оснований для этого никаких, кроме нефти и газа. С одной стороны, это-то и препятствует перемене жизни, а с другой стороны, дает ощущение смысла, что ли. Всегда висит в воздухе, что Россия должна сотворить, показать миру что-то из ряда вон выходящее. Богоизбранный народ. Особый русский путь. Сплошь у нас Обломовы, лежат на диване и ждут чуда. Но не Штольцы. Деятельные, проворные Штольцы презираемы за то, что срубили любимую березовую рощу, вишневый садик. Заводики там строят, делают деньги. Чужие нам Штольцы…»

«Русская кухня… Убогая “хрущобная” кухонька – девять-двенадцать (счастье!) квадратных метров, за тонкой стенкой туалет. Советская планировка. На окошке лук в баночках из-под майонеза, в горшке столетник от насморка. Кухня у нас – это не только место для приготовления пищи, это и столовая, и гостиная, и кабинет, и трибуна. Место для коллективных психотерапевтических сеансов. В девятнадцатом веке вся русская культура жила в дворянских усадьбах, а в двадцатом – на кухнях. И перестройка тоже. Вся “шестидесятническая” жизнь – это “кухонная” жизнь. Спасибо Хрущеву! Это при нем вышли

из коммуналок, завели личные кухни, где можно было ругать власть, а главное – не бояться, потому что на кухне все свои. Там рождались идеи, прожекты фантастические. Травили анекдоты… Анекдоты процветали! Коммунист – это тот, кто Маркса читал, а антикоммунист – это тот, кто его понял. Мы выросли на кухнях, и наши дети тоже, они вместе с нами слушали Галича и Окуджаву. Крутили Высоцкого. Ловили Би-би-си. Разговоры обо всем: о том, как все хреново, и о смысле жизни, о счастье для всех. Вспоминаю смешной случай… Засиделись как-то за полночь, наша дочь, ей было двенадцать лет, тут же, на маленьком диванчике, уснула. А мы что-то громко заспорили. И она сквозь сон как заорет: “Не надо больше о политике! Опять Сахаров… Солженицын… Сталин…” (Смеется.)

Бесконечный чай. Кофе. Водочка. А в семидесятые годы пили кубинский ром. Все были влюблены в Фиделя! В кубинскую революцию! Че в берете. Голливудский красавец! Бесконечный треп. Страх, что нас прослушивают, наверняка прослушивают. В середине разговора обязательно кто-нибудь посмотрит со смешком на люстру или на розетку: “Вы слышите, товарищ майор?” Вроде риск… вроде игра… Получали даже какое-то удовольствие от этой лживой жизни. Ничтожное количество людей сопротивлялось открыто, больше было “кухонных диссидентов”. С фигой в кармане...»

«Сейчас стыдно быть бедным, неспортивным… Не успеваешь, короче. А я из поколения дворников и сторожей. Был такой способ внутренней эмиграции. Ты живешь и не замечаешь того, что вокруг, как пейзаж за окном. Мы с женой окончили философский факультет Петербургского (тогда Ленинградского) университета, она устроилась дворником, а я – истопником в котельной. Работаешь одни сутки, двое – дома. Инженер в то время получал сто тридцать рублей, а я в котельной – девяносто, то есть соглашаешься потерять сорок рублей, но зато получаешь абсолютную свободу. Читали книжки, много читали. Разговаривали. Думали, что производим идеи. Мечтали о революции, но боялись – не дождемся. Закрытую, в общем-то, вели жизнь, ничего не знали о том, что творится в мире. Были «комнатные растения». Все себе придумали, как впоследствии выяснилось, нафантазировали – и Запад, и капитализм, и русский народ. Жили миражами. Такой России, как в книжках и на наших кухнях, никогда не было. Только у нас в голове.

В перестройку все кончилось… Грянул капитализм… Девяносто рублей стали десятью долларами. На них – не прожить. Вышли из кухонь на улицу, и тут

выяснилось, что идей у нас нет, мы просто сидели все это время и разговаривали. Откуда-то появились совсем другие люди – молодые ребята в малиновых пиджаках и с золотыми перстнями. И с новыми правилами игры: деньги есть – ты человек, денег нет – ты никто. Кому это интересно, что ты Гегеля всего прочитал? “Гуманитарий” звучало как диагноз. Мол, все, что они умеют – это держать томик Мандельштама в руках. Открылось много незнакомого. Интеллигенция до безобразия обнищала. В нашем парке по выходным дням кришнаиты устанавливали полевую кухню и раздавали суп и что-то там простенькое из второго. Выстраивалась такая очередь аккуратненьких стариков, что спазм в горле. Некоторые из них прятали свои лица. У нас к тому времени было уже двое маленьких детей. Голодали натуральным образом. Начали с женой торговать. Брали на заводе четыре-шесть ящиков мороженого и ехали на рынок, туда, где много людей. Холодильников никаких, через несколько часов мороженое уже текло. Тогда раздавали его голодным мальчишкам. Сколько радости! Торговала жена, а я то поднесу, то подвезу – все что угодно готов был делать, только не продавать. Долго чувствовал себя некомфортно.

Раньше часто вспоминал нашу “кухонную жизнь”… Какая была любовь! Какие женщины! Эти женщины презирали богатых. Их нельзя было купить. А сейчас времени на чувства ни у кого нет – все деньги зарабатывают. Открытие денег – как взрыв атомной бомбы…»

Про то, как мы полюбили и разлюбили Горби

«Горбачевское время… Огромные толпы людей со счастливыми лицами. Сво-бо-да! Все этим дышали. Газеты были нарасхват. Время больших надежд – вот-вот попадем в рай. Демократия – неведомый нам зверь. Как сумасшедшие, бегали на митинги: сейчас узнаем всю правду о Сталине, о ГУЛАГе, прочитаем запрещенные “Дети Арбата” Рыбакова и другие хорошие книги – и станем демократами. Как мы ошибались! Из всех радиоточек кричала эта правда… Скорее, скорее! Читайте! Слушайте! Не все оказались к этому готовы… Большинство людей не были антисоветски настроены, они хотели только одного – хорошо жить. Чтобы можно было купить джинсы, “видик” и предел мечтаний – автомобиль! Всем хотелось яркой одежды, вкусной еды. Когда я принесла домой солженицынский “Архипелаг ГУЛАГ”, моя мама была в ужасе: “Если ты сейчас же не уйдешь с этой книгой, то я тебя выгоню из дома”.

У бабушки расстреляли мужа перед войной, а она говорила: “Ваську не жаль. Арестовали правильно. За длинный язык”. – “Бабушка, почему ты ничего мне не рассказывала?” – спрашивала я. – “Пусть моя жизнь сдохнет вместе со мной, чтобы вы не пострадали”. Так жили наши родители и их родители. Все катком было отутюжено. Перестройку сделал не народ, это сделал один человек – Горбачев. Горбачев и кучка интеллигентов…»

«Горбачев – секретный американский агент… Масон… Предал коммунизм. Коммунистов – на мусорку, комсомольцев – на свалку! Я ненавижу Горбачева за то, что он украл у меня Родину. Советский паспорт как самую дорогую вещь берегу. Да, мы стояли в очереди за синюшными цыплятами и гнилой картошкой, но это была Родина. Я ее любил. Вы жили в “Верхней Вольте с ракетами”, а я жил в великой стране. Россия всегда для Запада – враг, ее боятся. Кость в горле. Никому не нужна сильная Россия – с коммунистами или без них. На нас смотрят как на склад – нефти, газа, леса и цветных металлов. Нефть меняем на трусы. А была цивилизация без шмоток и барахла. Советская цивилизация! Кому-то надо было, чтобы ее не стало. Операция ЦРУ. Нами уже управляют американцы. Горбачеву хорошо за это заплатили… Рано или поздно его будут судить. Надеюсь, Иуда доживет до народного гнева. Я с удовольствием прострелил бы ему затылок на Бутовском полигоне. (Стучит кулаком по столу.) Настало счастье, да? Появились колбаса и бананы. Валяемся в говне и едим все чужое. Вместо Родины – большой супермаркет. Если это называется свобода, то мне такая свобода не нужна. Тьфу! Народ ниже плинтуса опустили, мы рабы. Рабы! При коммунистах кухарка, как говорил Ленин, управляла государством: рабочие, доярки, ткачихи – а теперь в парламенте сидят бандиты. Долларовые миллионеры. Им в тюрьме надо сидеть, а не в парламенте. Надули нас с перестройкой!

Я родился в СССР, и мне там нравилось. Мой отец был коммунистом, учил читать меня по газете “Правда”. Каждый праздник мы с ним ходили на демонстрацию. Со слезами на глазах… Я был пионером, носил красный галстук. Пришел Горбачев, и я не успел стать комсомольцем, о чем жалею. Я – совок, да? Мои родители – совки, дед и баба – совки? Мой совковый дед погиб под Москвой в сорок первом… А моя совковая бабка была в партизанах… Господа либералы отрабатывают свою пайку. Хотят, чтобы мы свое прошлое считали черной дырой. Я их всех ненавижу: горбачева, шеварнадзе, яковлева, – напишите с маленькой буквы, так я их ненавижу. Я не хочу в Америку, я хочу в СССР…»

«То были прекрасные, наивные годы… Мы поверили Горбачеву, сейчас уже никому так легко не поверим. Многие русские люди возвращались из эмиграции на Родину… Был такой подъем! Думали, что сломаем этот барак. Построим что-то новое. Я окончила филологический факультет МГУ и поступила в аспирантуру. Мечтала заниматься наукой. Кумиром в те годы был Аверинцев, на его лекции сходилась вся просвещенная Москва. Встречались и поддерживали друг в друге иллюзию, что скоро будет другая страна, и мы за это боремся. Когда я узнала, что моя однокурсница уезжает в Израиль, очень удивилась: “Неужели тебе не обидно уезжать? У нас все только начинается”.

Чем больше говорили и писали: “Свобода! Свобода!”, тем быстрее с прилавков исчезали не только сыр и мясо, но и соль, и сахар. Пустые магазины. Страшно. Все по талонам, как в войну. Нас спасла наша бабушка, она целыми днями бегала по городу и отоваривала эти талоны. Весь балкон был забит стиральным порошком, в спальне стояли мешки с сахаром и крупой. Когда выдали талоны на носки, папа заплакал: “Это конец СССР”. Он почувствовал… Папа работал в конструкторском бюро на военном заводе, занимался ракетами, и ему это безумно нравилось. У него было два высших образования. Вместо ракет завод стал штамповать стиральные машины и пылесосы. Папу сократили. Они с мамой были ярые перестроечники: писали плакаты, разносили листовки – и вот финал… Растерялись. Не могли поверить, что свобода – она вот такая. Не могли с этим смириться. На улицах уже кричали: “Горбачеву грош цена, берегите Ельцина!”. Несли портреты Брежнева в орденах, а портреты Горбачева – в талонах. Начиналось царствование Ельцина: гайдаровские реформы и вот это ненавистное мне “купи-продай”… Чтобы выжить, я ездила в Польшу с мешками лампочек и детских игрушек. Полный вагон: учителя, инженеры, врачи… Все с мешками и сумками. Всю ночь сидим и обсуждаем “Доктор Живаго” Пастернака… пьесы Шатрова… Как в Москве на кухне.

Вспоминаю университетских друзей… Мы стали кем угодно, но не филологами – топ-менеджерами рекламных агентств, банковскими служащими, “челноками”… Я работаю в агентстве недвижимости у одной дамы, которая приехала из провинции, бывший комсомольский работник. У кого сегодня фирмы? Виллы на Кипре и в Майами? У бывшей партноменклатуры. Это к тому, где надо искать деньги партии… А наши вожди… шестидесятники… Они крови на войне нанюхались, но были наивные, как дети… Нам надо было дневать и ночевать на площадях. Довести дело до конца – добиться Нюрнберга для КПСС. Мы слишком быстро разошлись по домам. Фарцовщики и менялы взяли власть. И вопреки Марксу, после социализма строим капитализм. (Молчит.) Но я

счастлива, что жила в это время. Коммунизм пал! Все, он уже не вернется. Живем в другом мире и смотрим на мир другими глазами. Свободное дыхание тех дней я никогда не забуду…»

Про то, как пришла любовь, а под окнами танки

«Я была влюблена, ни о чем другом не могла больше думать. Жила исключительно этим. И вот мама утром будит: “Танки под окнами! Кажется, переворот!”. Я сквозь сон: “Мама, это учения”. Фиг вам! Под окнами стояли настоящие танки, я никогда не видела танки так близко. По телевизору шел балет “Лебединое озеро”… Прибежала мамина подруга, она очень волновалась, что задолжала партийные взносы за несколько месяцев. Говорила, что у них в школе стоял бюст Ленина, она его вынесла в подсобку, а теперь – что с ним делать? Все сразу стало на свои места: этого нельзя и того нельзя. Диктор зачитывала Заявление о введение чрезвычайного положения… Мамина подруга при каждом слове вздрагивала: “Боже мой! Боже мой!” Отец плевался в телевизор…

Позвонила Олегу… “Едем к Белому дому?” – “Едем!” Приколола значок с Горбачевым. Нарезала бутербродов. В метро люди были неразговорчивые, все ждали беды. Всюду танки… танки… На броне сидели не убийцы, а испуганные пацаны с виноватыми лицами. Старушки кормили их вареными яйцами и блинами. На душе стало легче, когда возле Белого дома я увидела десятки тысяч людей! Настроение у всех великолепное. Ощущение, что мы все можем. Скандировали: “Ельцин, Ельцин! Ельцин!”. Уже формировались отряды самообороны. Записывали только молодых, а пожилым отказывали, и они были недовольны. Какой-то старик возмущался: “У меня коммунисты жизнь украли! Дайте хотя бы умереть красиво!” – “Папаша, отойдите…” Сейчас говорят, что мы хотели защитить капитализм… Неправда! Я защищала социализм, но какой-то другой… не советский… И я его защитила! Я так думала. Мы все так думали… Через три дня танки уходили из Москвы, это уже были добрые танки. Победа! И мы целовались, целовались…»

Сижу на кухне у моих московских знакомых. Тут собралась большая компания: друзья, родственники из провинции. Вспомнили, что завтра очередная

годовщина августовского путча.

– Завтра – праздник…

– А что праздновать-то? Трагедия. Народ проиграл.

– Под музыку Чайковского совдепию похоронили…

– Первое, что я сделала, взяла деньги и побежала в магазины. Знала, чем бы оно ни кончилось, а цены вырастут.

– Обрадовался: Горби уберут! Надоел уже этот болтун.

– Революция была декоративная. Спектакль для народа. Помню полное безразличие, с кем не заговоришь. Выжидали.

– А я позвонил на работу – и пошел делать революцию. Выгреб из буфета все ножи, которые были дома. Понимал, что война… нужно оружие…

– Я был за коммунизм! У нас в семье – все коммунисты. Вместо колыбельных мама пела нам революционные песни. И внукам сейчас поет. «Ты что, с ума сошла?» – Говорю. А она: «Я других песен не знаю». И дед был большевик… и бабка…

– Вы еще скажите, что коммунизм – красивая сказочка. У моего отца родители исчезли в лагерях Мордовии.

– Я пошел к Белому дому вместе с родителями. Папа сказал: «Пойдем. А то колбасы и хороших книг не будет никогда». Разбирали брусчатку и строили баррикады.

– Сейчас народ протрезвел, и отношение к коммунистам меняется. Можно не скрывать… Я работал в райкоме комсомола. В первый день все комсомольские билеты, чистые бланки и значки забрал домой и спрятал в подвале, потом картошку некуда было складывать. Я не знал, зачем они мне нужны, но представил, как придут отпечатывать и все это уничтожать, а это были дорогие для меня символы.

– Мы могли пойти убивать друг друга… Бог спас!

– Наша дочь лежала в роддоме. Я пришла к ней, а она: «Мам, революция будет? Гражданская война начнется?».

– Ну а я окончил военное училище. Служил в Москве. Дали бы нам приказ кого-то арестовать, то, без всяких сомнений, мы бы этот приказ выполнили. Многие бы выполнили его с усердием. Надоела неразбериха в стране. Все раньше было четко и ясно, все по предписанию. Был порядок. Военные любят так жить. Вообще люди любят так жить.

– Я боюсь свободы, придет пьяный мужик и спалит дачу.

– Какие, братцы, идеи? Жизнь коротка. Давайте выпьем!

19 августа 2001 года – десятилетний юбилей августовского путча. Я в Иркутске – столице Сибири. Беру несколько блиц-интервью на улицах города.

Вопрос:

– Что было бы, если бы ГКЧП победил?

Ответы:

– Сохранили бы великую страну…

– Посмотрите на Китай, где коммунисты у власти. Китай стал второй экономикой в мире…

– Горбачева и Ельцина судили бы как изменников Родины.

– Залили бы страну кровью… И забили бы людьми концлагеря.

– Не предали бы социализм. Не разделились бы на богатых и бедных.

– Не было бы никакой войны в Чечне.

– Никто не смел бы говорить, что Гитлера победили американцы.

– Я сам стоял у Белого дома. И у меня чувство, что меня обманули.

– Что было бы, если бы путч победил? А он и победил! Памятник Дзержинскому свергли, а Лубянка осталась. Строим капитализм под руководством КГБ.

– Моя жизнь не изменилась бы…

Про то, как вещи уравнялись с идеями и словами

«Мир рассыпался на десятки разноцветных кусочков. Как нам хотелось, чтобы серые советские будни скорее превратились в сладкие картинки из американского кино! О том, как мы стояли у Белого дома, уже мало кто вспоминал… Те три дня потрясли мир, но не потрясли нас… Две тысячи человек митингуют, а остальные едут мимо и смотрят на них как на идиотов. Много пили, у нас всегда много пьют, но тогда особенно много пили. Общество замерло: куда двинемся? То ли будет капитализм, то ли будет хороший социализм? Капиталисты жирные, страшные – это нам внушили с детства… (Смеется.)

Страна покрылась банками и торговыми палатками. Появились совсем другие вещи. Не топорные сапоги и старушечьи платья, а вещи, о которых мы всегда мечтали: джинсы, дубленки… женское белье и хорошая посуда… Все цветное, красивое. Наши советские вещи были серые, аскетичные, они были похожи на военные. Библиотеки и театры опустели. Их заменили базары и коммерческие магазины. Все захотели быть счастливыми, получить счастье сейчас. Как дети, открывали для себя новый мир… Перестали падать в обморок в супермаркете… Знакомый парень занялся бизнесом. Рассказывал мне: первый раз привез тысячу банок растворимого кофе – расхватали за пару дней, купил сто пылесосов – тоже в момент размели. Куртки, свитера, всякая мелочь – только давай! Все переодевались, переобувались. Меняли технику и мебель. Ремонтировали дачи… Захотели делать красивые заборчики и крыши… Начнем иногда с друзьями вспоминать, так со смеху умираем… Дикари! Совершенно нищие

были люди. Всему надо было учиться… В советское время разрешалось иметь много книг, но не дорогую машину и дом. И мы учились хорошо одеваться, вкусно готовить, утром пить сок и йогурт… Я до этого презирала деньги, потому что не знала, что это такое. В нашей семье нельзя было говорить о деньгах. Стыдно. Мы выросли в стране, в которой деньги, можно сказать, отсутствовали. Я, как все, получала свои сто двадцать рублей – и мне хватало. Деньги пришли с перестройкой. С Гайдаром. Настоящие деньги. Вместо “Наше будущее – коммунизм” всюду висели растяжки “Покупайте! Покупайте!” Хочешь – путешествуй. Можешь увидеть Париж… Или Испанию… Фиеста… бой быков… Я об этом читала у Хемингуэя, читала и понимала, что никогда этого не увижу. Книги были вместо жизни… Так кончились наши ночные бдения на кухнях и начались заработки, приработки. Деньги стали синонимом свободы. Это волновало всех. Самые сильные и агрессивные занялись бизнесом. О Ленине и Сталине забыли. Так мы спаслись от гражданской войны, а то опять бы были “белые” и “красные”. “Наши” – “не наши”. Вместо крови – вещи… Жизнь! Выбрали красивую жизнь. Никто не хотел красиво умирать, все хотели красиво жить. Другое дело, что пряников на всех не хватило…»

«Советское время… У Слова был священный, магический статус. И по инерции на интеллигентских кухнях еще говорили о Пастернаке, варили суп, не выпуская из рук Астафьева и Быкова, но жизнь все время доказывала, что это уже неважно. Слова ничего не значат. В девяносто первом… Мы положили нашу маму в больницу с тяжелой пневмонией, и она вернулась оттуда героиней, у нее рот там не закрывался. Рассказывала о Сталине, об убийстве Кирова, о Бухарине… Ее готовы были слушать день и ночь. Люди тогда хотели, чтобы им открыли глаза. А недавно она снова попала в больницу, и сколько там была, столько молчала. Лет пять прошло всего-то, и реальность уже распределила роли иначе. Героиней на этот раз была жена крупного бизнесмена… Онемели все от ее рассказов… Какой у нее дом – триста квадратных метров! Сколько прислуги: кухарка, нянька, водитель, садовник… Отдыхать с мужем ездят в Европу… Музеи – понятно, а бутики… Бутики! Одно кольцо столько-то карат, а другое… А подвески… золотые клипсы… Полный аншлаг! О ГУЛАГе или о чем-то таком ни слова. Ну было и было. Что теперь спорить со стариками?

Я заходила по привычке в букинистический – там спокойно стояли все двести томов “Всемирки” и “Библиотека приключений”, та самая – оранжевая, которой я бредила. Смотрела на корешки и долго вдыхала этот запах. Лежали горы книг! Интеллигенты распродавали свои библиотеки. Публика, конечно, обеднела,

но не из-за этого книги выносили из дома, не только из-за денег – книги разочаровали. Полное разочарование. Стало уже неприлично задавать вопрос: “А что ты сейчас читаешь?” В жизни слишком многое изменилось, а в книгах этого нет. Русские романы не учат, как добиться успеха в жизни. Как стать богатым… Обломов лежит на диване, а герои Чехова все время пьют чай и жалуются на жизнь… (Молчит.) Не дай бог жить в эпоху перемен – говорят китайцы. Мало кто из нас сохранился таким, каким был. Куда-то исчезли приличные люди. Всюду локти и зубы…»

«Если о девяностых… Я бы не сказал, что это было красивое время, оно было отвратительное. Произошел переворот в умах на сто восемьдесят градусов… Кто-то не выдержал и сошел с ума, больницы для душевнобольных были переполнены. Я навещал там своего друга: один кричит: “Я – Сталин! Я – Сталин!”, а другой: “Я – Березовский! Я – Березовский”. Их целое отделение – сталиных и березовских. На улицах все время стреляли. Убили огромное количество людей. Каждый день шли разборки. Урвать. Успеть. Пока другие не успели. Кого-то разорили, кого-то посадили. С трона – в подвал. А с другой стороны, кайф – все происходит на твоих глазах…

В банках стояли очереди людей, желающих начать свое дело: открыть булочную, продавать электронику… Я тоже был в этой очереди. И меня удивило, как нас много. Какая-то тетка в вязаном берете, мальчик в спортивной курточке, здоровенный мужик, смахивающий на зэка… Семьдесят с лишним лет учили: не в деньгах счастье, все лучшее в жизни человек получает бесплатно. Любовь, например. Но стоило с трибуны произнести: торгуйте, богатейте – всё забыли. Все советские книжки забыли. Эти люди совсем не были похожи на тех, с кем я сидел до утра и бренчал на гитаре. Три аккорда с грехом пополам я выучил. Единственное, что их объединяло с “кухонными” людьми, так это то, что им тоже надоели кумачовые флаги и вся эта мишура: комсомольские собрания, политзанятия… Социализм считал человека глупеньким…

Я очень хорошо знаю, что такое мечта. Все детство я просил купить мне велосипед, и мне его не купили. Бедно жили. В школе я фарцевал джинсами, в институте – советской военной формой плюс символикой разной. Иностранцы покупали. Обычная фарца. В советское время за это сажали на срок от трех до пяти лет. Отец бегал за мной с ремнем и кричал: “Спекулянт! Я под Москвой кровь проливал, а вырастил такое говнецо!”. Вчера преступление, сегодня – бизнес. В одном месте купил гвозди, в другом набойки – упаковал в полиэтиленовый мешок и продал как новый товар. Принес домой деньги.

Накупил всего, полный холодильник. Родители ждали, что за мной придут и арестуют. (Хохочет.) Торговал бытовой техникой. Скороварками, пароварками… Пригонял из Германии машину с прицепом этого добра. Все шло валом… У меня в кабинете стояла коробка из-под компьютера, полная денег, я только так понимал, что это деньги. Берешь, берешь из этой коробки, а там все не кончается. Уже вроде все купил: тачку, квартиру… часы “Ролекс”… Помню это опьянение… Ты можешь исполнить все свои желания, тайные фантазии. Я много узнал о себе: во-первых, что у меня нет вкуса, а во-вторых, что я закомплексован. Не умею с деньгами обращаться. Я не знал, что большие деньги должны работать, они не могут лежать. Деньги – такое же испытание для человека, как власть, как любовь… Мечтал… И я поехал в Монако. В казино Монте-Карло проиграл огромные деньги, очень много. Меня несло… Я был рабом своей коробки. Есть там деньги или нет? Сколько их? Их должно быть больше и больше. Меня перестало интересовать то, что интересовало раньше. Политика… митинги… Умер Сахаров. Я пошел с ним попрощаться. Сотни тысяч людей… Все плакали, и я плакал. А тут недавно читаю о нем в газете: “Умер великий юродивый России”. И я подумал, что он вовремя умер. Вернулся из Америки Солженицын, все бросились в нему. Но он не понимал нас, а мы его. Иностранец. Он приехал в Россию, а за окном Чикаго…

Кем бы я был, если бы не перестройка? ИТР с жалкой зарплатой… (Смеется.) А сейчас у меня своя глазная клиника. Несколько сотен человек зависят от меня со своими семьями, дедушками, бабушками. Вы копаетесь в себе, рефлектируете, а у меня этой проблемы нет. Я работаю день и ночь. Закупил новейшее оборудование, отправил хирургов во Францию на стажировку. Но я не альтруист, я хорошо зарабатываю. Всего добился сам… У меня было только триста долларов в кармане… Начинал бизнес с партнерами, от которых вы бы в обморок упали, если бы они сейчас зашли в комнату. Гориллы! Лютый взгляд! Теперь их уже нет, они исчезли, как динозавры. Ходил в бронежилете, в меня стреляли. Если кто-то ест колбасу хуже, чем я, меня это не интересует. Вы же все хотели, чтобы был капитализм. Мечтали! Не кричите, что вас обманули…»

Про то, что мы выросли среди палачей и жертв

«Идем вечером из кино. В луже крови лежит мужчина. На спине в плаще дырка от пули. Возле него стоит милиционер. Так первый раз я увидел убитого человека. Скоро привык к этому. Дом наш большой, двадцать подъездов.

Каждое утро во дворе находили труп, и уже мы не вздрагивали. Начинался настоящий капитализм. С кровью. Я ожидал от себя потрясения, а его не было. После Сталина у нас другое отношение к крови… Помним, как свои убивали своих… И про массовые убийства людей, которые не знали, за что их убивают… Это осталось, это присутствует в нашей жизни. Мы выросли среди палачей и жертв… Для нас нормально – жить вместе. Нет границы между мирным и военным состоянием. Всегда война. Включишь телевизор – все ботают по фене: и политики, и бизнесмены, и президент: откаты, взятки, распилы… Человеческая жизнь – плюнуть и растереть. Как в зоне…»

«Почему мы не осудили Сталина? Я вам отвечу… Чтобы осудить Сталина, надо осудить своих родных, знакомых. Самых близких людей. Расскажу про свою семью… Папу посадили в тридцать седьмом; слава богу, он вернулся, но отсидел десять лет. Вернулся и очень хотел жить… Сам удивлялся, что ему после всего, что он видел, хочется жить… Так было не со всеми, далеко не со всеми… Мое поколение выросло с папами, которые вернулись или из лагерей, или с войны. Единственно, о чем они могли нам рассказать, так это о насилии. О смерти. Они редко смеялись, много молчали. И пили… пили… В конце концов спивались. Второй вариант… Те, кого не посадили, боялись, что посадят. Все это не месяц или два, а годами длилось – годами! А если не посадили, то вопрос: почему всех посадили, а меня нет? Что я делаю не так? Могли арестовать, а могли направить на работу в НКВД… Партия просит, партия приказывает. Выбор неприятный, но многие должны были его сделать… А теперь о палачах… Обыкновенных, не страшных… Донес на папу наш сосед… дядя Юра… Из-за пустяка, как говорила мама. Мне было семь лет. Дядя Юра брал на рыбалку своих ребятишек и меня, катал на лошади. Чинил наш забор. Понимаете, совсем другой портрет палача получается – обыкновенный человек, даже хороший… Нормальный… Арестовали папу и через несколько месяцев забрали папиного брата. При Ельцине мне дали его дело, там лежало несколько доносов, один написала тетя Оля… Племянница… Красивая женщина, веселая… Хорошо пела… Она уже была старая, я спросил: “Тетя Оля, расскажи о тридцать седьмом годе…” – “Это был самый счастливый год в моей жизни. Я была влюблена”, – ответила она мне… Папин брат не вернулся домой. Пропал. В тюрьме или в лагере – неизвестно. Мне было трудно, но я все-таки задал вопрос, который меня мучил: “Тетя Оля, зачем ты это сделала?” – “Где ты видел честного человека в сталинское время?” (Молчит.) А еще был дядя Павел, который служил в Сибири в войсках НКВД… Понимаете, не существует химически чистого зла… Это не только Сталин и Берия… Это и дядя Юра, и красивая тетя Оля…»

Первое мая. В этот день коммунисты проходят по улицам Москвы многотысячным маршем. Столица снова «краснеет»: красные флаги, красные шарики, красные футболки с серпом и молотом. Несут портреты Ленина и Сталина. Портретов Сталина больше. Плакаты: «В гробу мы видели ваш капитализм!», «Красное знамя – на Кремль!». Обычная Москва стоит на тротуаре, «красная» катит лавиной по проезжей части. Между ними все время идет перепалка, местами доходящая до драк. Полиция бессильна разделить эти две Москвы. А я не успеваю записать все, что слышу…

– Похороните Ленина, причем без почестей.

– Американские лакеи! За что продали страну?

– Дураки вы, братцы…

– Ельцин и его банда украли у нас все. Пейте! Богатейте! Когда-то это кончится…

– Боятся народу прямо сказать, что строим капитализм? Оружие готовы схватить все, даже моя мама-домохозяйка.

– Штыком много чего можно сделать, но сидеть на нем неудобно.

– А я бы буржуинов проклятых танками давил!

– Коммунизм придумал еврей Маркс…

– Спасти нас может только один человек – товарищ Сталин. Его бы нам на два дня… Расстрелял бы их всех – и пусть уходит, ложится.

– И слава тебе, господи! Я всем святым поклонюсь.

– Сталинские сцуки! У вас кровь на руках еще не остыла. Царскую семью зачем убили? Не пожалели даже детей.

– Великую Россию не сделаешь без великого Сталина.

– Засрали народу мозги…

– Я простой человек. Сталин простых людей не трогал. В нашем роду никто не пострадал – все рабочие. Летели головы начальников, а простой человек жил спокойно.

– Красная гебня! Скоро договоритесь до того, что никаких лагерей не было, кроме пионерских. Мой дед был дворником.

– А мой землемером.

– Машинистом…

У Белорусского вокзал начался митинг. Толпа взрывалась то аплодисментами, то криками: «Ура! Ура! Слава!». В конце вся площадь грянула песню на мотив «Варшавянки» – русской «Марсельезы», с новым текстом: «Сбросим с себя либеральные цепи, / Сбросим кровавый преступный режим». После этого, свернув красные флаги, одни заспешили к метро, другие выстроились в очереди возле киосков с пирожками и пивом. Начались народные гуляния. Плясали и веселились. Старая женщина в красной косынке кружилась и притоптывала вокруг гармониста: «Мы весело пляшем / У елки большой. / На Родине нашей / Нам так хорошо! / Мы весело пляшем, / Мы звонко поем, / И песенку нашу / Мы Сталину шлем…». У самого метро меня догнали пьяные частушки: «Отъебися все плохое, приебись хорошее».

Про то, что нам надо выбирать: великую историю или банальную жизнь

У пивного ларька всегда шумно. Народ разный. Тут встретишь профессора, работягу, студента, бомжа… Пьют и философствуют. Все о том же – о судьбах России. О коммунизме.

– Я – человек пьющий. Почему я пью? Мне моя жизнь не нравится. Я хочу совершить кульбит немыслимый с помощью алкоголя и каким-то образом

перенестись в другое место. И там все будет красиво и хорошо.

– Для меня вопрос стоит более конкретно: где я хочу жить – в великой стране или в нормальной?

– Я любил империю… Мне жизнь после империи скучна. Неинтересна.

– Великая идея требует крови. Сегодня никто не хочет умирать где-то. На какой-то войне. Как в той песне: “Всюду деньги, деньги, деньги. / Всюду деньги, господа…”. А если вы настаиваете, что у нас есть цель, то какая она? Каждому по “мерседесу” и путевке в Майами?

– Русскому человеку надо во что-то верить… Верить в светлое, возвышенное. У нас в подкорке заложена империя и коммунизм. Героическое нам ближе.

– Социализм заставлял человека жить в истории… присутствовать при чем-то великом…

– Блять! Мы такие духовные, мы такие специальные.

– Не было у нас демократии. Какие мы с вами демократы?

– Последнее великое событие в нашей жизни – перестройка.

– Россия может быть только великой или не быть совсем. Нам нужна сильная армия.

– Ну на хрена мне великая страна? Хочу жить в маленькой, такой, как Дания. Без ядерного оружия, без нефти и газа. Чтобы никто меня не бил револьвером по голове. Может, тогда мы тоже научимся тротуары шампунем мыть…

– Коммунизм – непосильная для человека задача… У нас всегда так: то ли конституции хочется, то ли севрюжины с хреном…

– Как я завидую людям, у которых была идея! А мы сейчас живем без идеи. Хочу великую Россию! Я ее не помню, но знаю, что она была.

– Была великая страна с очередью за туалетной бумагой… Я хорошо помню, как пахли советские столовые и советские магазины.

– Россия спасет мир! И сама так спасется!

– Мой отец до девяноста лет дожил. Говорил, что в его жизни ничего хорошего не было, только война. Это всё, что мы умеем.

– Бог – это бесконечное, которое есть в нас… Мы сотворены по образу и подобию…

Про все…

«Во мне советского было девяносто процентов… Я не понимала, что происходит. Помню, как выступал по телевидению Гайдар: учитесь торговать… рынок нас спасет… Купил на одной улице бутылку минеральной воды и продал ее на другой – это бизнес. Люди слушали с недоумением. Я приходила домой. Закрывала дверь и плакала. У мамы инсульт, так ее все это напугало. Может, они хотели что-то хорошее сделать, но им не хватило сострадания к собственному народу. Никогда не забуду стариков, просящих милостыню, они шеренгами стояли вдоль дороги. Застиранные шапочки, заштопанные пиджачки… Бегу на работу и с работы – боюсь глаза поднять… Работала я на парфюмерной фабрике. Вместо денег выдавали нам духи… косметику…»

«У нас в классе училась бедная девочка, ее родители погибли в автомобильной катастрофе. Она осталась с бабушкой. Весь год ходила в одном и том же платье. Так вот ее никому не было жалко. Как-то быстро стало стыдно быть бедным…»

«О девяностых не жалею… Бурлящее светлое время. Я, которая раньше не интересовалась политикой и не читала газет – пошла баллотироваться в депутаты. Кто были прорабы перестройки? Писатели, художники… Поэты… На Первом Съезде народных депутатов СССР автографы можно было собирать. Мой муж – экономист, он сходил с ума от этого: “Глаголом жечь сердца людей –

это поэты умеют. Революцию вы сделаете. А дальше, дальше – что? Как будете строить демократию? Кто? Теперь понятно, что у вас получится”. Смеялся надо мной. Мы из-за этого с ним развелись… Но он оказался прав…»

«Страшно стало, поэтому народ и пошел в храмы. Когда я верил в коммунизм, мне не нужна была церковь. А жена моя ходит со мной из-за того, что в церкви батюшка говорит ей: “Голубушка”».

«Мой отец был честным коммунистом. Я коммунистов не виню, я виню коммунизм. До сих пор не знаю, как мне относиться к Горбачеву… К этому Ельцину… Очереди и пустые прилавки забываются скорее, чем красный флаг над Рейхстагом».

«Мы победили. А кого? Зачем? По телевидению на одном канале идет фильм, где “красные” бьют “белых”, а на другом – храбрые “белые” бьют “красных”. Шизофрения!»

«Все время говорим о страдании… Это наш путь познания. Западные люди кажутся нам наивными, потому что они не страдают, как мы, у них есть лекарство от любого прыщика. Зато мы сидели в лагерях, в войну землю трупами завалили, голыми руками гребли ядерное топливо в Чернобыле… И теперь мы сидим на обломках социализма. Как после войны. Мы такие тертые, мы такие битые. У нас свой язык… Язык страдания…

Пробовал заговорить об этом со своими студентами… Смеялись мне в лицо: “Мы не хотим страдать. Для нас жизнь – это что-то другое”. Ничего еще не поняли о нашем недавнем мире, а живем в новом. Целая цивилизация – на свалке…»

Десять историй в красном интерьере

О красоте диктатуры и тайне бабочки в цементе

Ждали меня вдвоем – сама Елена Юрьевна, с которой мы договаривались о встрече, и ее московская подруга Анна Ильинична М., приехавшая погостить. Она тут же включилась в разговор: «Давно хочу, чтобы кто-то объяснил мне, что с нами происходит». Ничего в их рассказах не совпадало, кроме знаковых имен: Горбачев, Ельцин… Но у каждой был свой Горбачев, и свой Ельцин. И свои 90-е.

Елена Юрьевна:

– Разве уже надо рассказывать о социализме? Кому? Еще все – свидетели. Честное слово, удивлена, что вы ко мне пришли. Я – коммунистка… номенклатура… Нам же сейчас не дают слова… затыкают рот. Ленин – бандит, Сталин… Мы все преступники, хотя на моих руках нет ни капли крови. Но на нас клеймо, на всех…

Может быть, через пятьдесят или сто лет о той нашей жизни, которая называлась социализмом, будут писать объективно. Без слез и проклятий. Начнут раскапывать, как древнюю Трою. Недавно вообще хорошо сказать о социализме было нельзя. На Западе после крушения СССР поняли, что марксистские идеи не кончились, их надо развивать. Не молиться на них. Маркс не был там идолом, как у нас. Святым! Сначала мы его боготворили, а потом предали анафеме. Все перечеркнули. Наука тоже принесла человечеству неисчислимые бедствия. Давайте тогда истреблять ученых! Проклянем отцов атомной бомбы, а еще лучше – начнем с тех, кто порох изобрел! С них… Разве я не права? (Я не успеваю ответить на ее вопрос.) Правильно… правильно, что из Москвы выбрались. В Россию, можно сказать, приехали. По Москве когда гуляешь, кажется, что и мы Европа: роскошные машины, рестораны… Золотые купола блестят! А вы послушайте, о чем у нас люди говорят в провинции… Россия – это не Москва, Россия – это Самара, Тольятти, Челябинск… жопинск какой-нибудь… Что на московских кухнях можно

узнать о России? На тусовках? Бла-бла-бла… Москва – столица какого-то другого государства, а не того, что за кольцевой дорогой. Туристический рай. Москве не верьте…

К нам приезжают и сразу: ну, это совок. Люди живут очень бедно даже по российским меркам. Ругают богатых, злятся на всех. Ругают государство. Считают, что их обманули, никто им не говорил, что будет капитализм, они думали, что социализм начнут исправлять. Ту жизнь, которую все знали. Советскую. Пока они на митингах драли глотки: «Ельцин! Ельцин!» – их обобрали. Без них разделили заводы и фабрики. И нефть, и газ – то, что как говорится, от Бога. Но это только сейчас поняли. А в девяносто первом все в революцию пошли. На баррикады. Хотели свободы, а что получили? Ельцинскую… бандитскую революцию… Сына моей подруги чуть не убили за социалистические идеи. Слово «коммунист» было оскорблением. Свои пацаны во дворе чуть парня не убили. Знакомые. Сидели в беседке с гитарами и разговаривали: скоро, мол, пойдем стенкой на коммунистов, вешать будем их на фонарях. Мишка Слуцер – папа его у нас в райкоме работал – он мальчик начитанный, процитировал им английского писателя Честертона: «человек без утопии гораздо более страшен, чем человек без носа…». И его за это – ботинками… сапогами… «А, жиденыш! Кто революцию в семнадцатом году делал?» Я помню этот блеск в глазах людей в начале перестройки, никогда его не забуду. Коммунистов готовы были линчевать, отправлять по этапу… В мусорных контейнерах валялись книги Маяковского, Горького… Сдавали на макулатуру сочинения Ленина. Я подбирала… да! Вот! Я ни от чего не отрекаюсь! Ничего не стыжусь! Не меняла масть и не перекрашивалась из красного цвета в серый. Есть такие люди: «красные» придут – они радостно встречают «красных», «белые» придут – они радостно встречают «белых». Кульбиты совершались потрясающие: вчера – коммунист, сегодня – ультрадемократ. На моих глазах «честные» коммунисты превращались в верующих и либералов. А я люблю и никогда не разлюблю слово «товарищ». Хорошее слово! Совок? Прикусите язык! Советский человек был очень хороший человек, он мог поехать за Урал, в пустыню – ради идеи, а не за доллары. Не за чужие зеленые бумажки. Днепрогэс, Сталинградская битва, выход в открытый космос – это все он. Великий Совок! Мне до сих пор приятно писать – СССР. Это была моя страна, а сейчас я живу не в своей стране. В чужой стране я живу.

Советской я родилась… Наша бабушка не верила в Бога, но верила в коммунизм. А наш папа до самой смерти ждал, что социализм вернется. Уже пала Берлинская стена, развалился Советский Союз, а он все равно ждал. Навеки разругался со своим лучшим другом, когда тот назвал флаг красной тряпкой.

Наш красный флаг! Кумачовый! Папа был на финской войне, за что они воевали, он так и не понял, но надо было идти, и он пошел. Об этой войне молчали, называли ее не войной, а финской кампанией. Но папа нам рассказывал… Тихо. Дома. Редко, но вспоминал. Когда выпьет… Пейзаж его войны – зимний: лес и метровой высоты снег. Финны воевали на лыжах, в белых маскхалатах, появлялись везде неожиданно, как ангелы. «Как ангелы» – это папины слова… Могли за ночь вырезать заставу, целую роту. Мертвые… В папиных воспоминаниях мертвые всегда лежали в лужах крови, из сонного человека крови выходит очень много. Крови было столько, что она проедала метровый снег. После войны папа не мог зарезать даже курицу. Кролика. Сильно расстраивался от вида любого убитого животного и теплого запаха крови. Он боялся больших деревьев с густой кроной, на таких деревьях обычно прятались финские снайперы, их называли «кукушками”. (Молчит.) Хочу добавить… От себя… После Победы наш городок утопал в цветах, это буйство какое-то было. Самый главный цветок – георгины, его клубни надо было зимой сохранять, чтобы не замерзли. Боже упаси! Их укутывали, укладывали, как будто это маленький ребенок. Цветы росли возле домов, за домами, у колодцев и вдоль заборов. После страха особенно хочется жить, радоваться. А потом цветы исчезли, сейчас этого уже нет. А я помню… Вспомнила сейчас… (Молчит.) Папа… Провоевал наш папа всего полгода и попал в плен. Как он попал в плен? Они наступали по замерзшему озеру, а артиллерия противника била по льду. Мало кто доплывал до берега, а те, кто доплывал, они уже были без сил и без оружия. Полуголые. Финны им тогда протягивали руки. Спасали. Кто-то хватался за эту руку, а кто-то… Было много таких, кто не принимал помощь от врага. Их так учили. А папа ухватился за чью-то руку, его вытащили. Я хорошо помню папино удивление: «Они дали мне шнапса, чтобы я согрелся. Одели в сухое. Смеялись и хлопали по плечу: “Живой, Иван!”». Папа раньше никогда не видел врагов вблизи. Не понимал, почему они радуются…

В сороковом году закончилась финская кампания… Советских военнопленных обменяли на финнов, которые находились у нас в плену. Навстречу друг другу они шли колоннами. Финнов, когда они поравнялись со своими, стали обнимать, жать им руки… Наших встретили не так, их встретили как врагов. «Братцы! Родненькие!» – кинулись они к своим. – «Стоять! Шаг в сторону – стреляем!» Колонну оцепили солдаты с овчарками и повели в специально приготовленные бараки. Вокруг бараков – колючая проволока. Начались допросы… «Как ты попал в плен?» – спросил следователь папу. – «Меня финны вытащили из озера». – «Ты – предатель! Ты спасал свою шкуру, а не Родину». Папа тоже считал, что он виноват. Их так учили… Не было никакого суда. Вывели всех на плац и зачитали перед строем приказ: шесть лет лагерей за измену Родине. Отправили

в Воркуту. Там они строили железную дорогу в вечной мерзлоте. Бог мой! Сорок первый год… Немцы уже под Москвой… А им не говорили, что война началась – они же враги, будут радоваться. Уже вся Беларусь под немцами. Взят Смоленск. Когда они узнали об этом, сразу все захотели на фронт, писали письма начальнику лагеря… Сталину… Им отвечали: вы, мол, сволочи, работайте на победу в тылу, на фронте нам предатели не нужны. И они… папа… я от папы это слышала… Они все плакали… (Молчит.) Вот с кем бы вам встретиться… Но папы уже нет. Лагерь ему жизнь укоротил. И перестройка. Он очень страдал. Не понимал, что случилось. Со страной, с партией. Наш папа… В лагере за шесть лет он забыл, что такое яблоко и кочан капусты… простыня и подушка… Три раза в день им давали баланду, буханка хлеба – на двадцать пять человек. А спали – под голову полено, вместо матраца – доски на полу. Наш папа… Странный он был, не такой папа, как у других… Не мог ударить коня или корову, пнуть ногой собаку. Мне всегда было папу жалко. А другие мужчины над ним смеялись: «Ну какой ты мужик? Баба!». Мама плакала, что он… ну что он не такой, как все. Возьмет в руки кочан капусты и разглядывает… Помидор… Первое время вообще молчал, ничем с нами не делился. Лет через десять заговорил. Не раньше… да… Одно время в лагере он возил мертвых. За день собиралось десять-пятнадцать трупов. Живые возвращались в бараки пешком, а мертвые – на санях. С мертвецов им приказывали снимать одежду, и мертвецы лежали на санях голые, как тушканчики. Это я говорю папиными словами… Сбивчиво у меня получается… Из-за чувств… волнуюсь, да… Первые два года в лагере никто из них не верил, что выживет; о доме вспоминали те, у кого был срок пять-шесть лет, а у кого срок десять-пятнадцать лет, о доме молчали. Никого они не вспоминали: ни жен, ни детей. Ни родителей. «Если начнешь вспоминать, не выживешь», – папины слова. А мы его ждали… «Вот папа вернется… и меня не узнает…», «Наш папочка…». Хотелось лишний раз произнести это слово – «папа». И он вернулся. Бабушка увидела возле калитки человека в солдатской шинели: «Солдатик, кого вы ищете?» – «Мама, ты меня не узнала?» Бабушка где стояла, там и упала. Так папа вернулся… Весь был обмороженный, ноги и руки он никогда не мог согреть. Мама? Мама говорила, что папа вернулся после лагеря добрым, а она боялась… ее пугали… что оттуда возвращаются злыми. А наш папа хотел радоваться жизни. На все случаи у него была поговорка: «Мужайся – худшее еще впереди».

Забыла… Забыла, где это происходило… в каком месте? В пересылочном лагере, что ли? На четвереньках по большому двору ползали и ели траву. Дистрофики, пеллагрики. При папе нельзя было ни на что пожаловаться, он знал: «Чтобы выжить, человеку надобно три вещи – хлеб, лук и мыло». Всего три вещи… всего… Этих людей уже нет, наших родителей… Если кто остался, то их надо

в музей, под стекло, руками не трогать. Сколько они всего перенесли! Когда папу реабилитировали, ему выдали две солдатские зарплаты за все страдания. Но у нас в доме очень долго висел большой портрет Сталина. Очень долго… я это хорошо помню… Жил папа без обиды, он считал, что это время было такое. Жестокое время. Строили сильную страну. И построили, и победили Гитлера! Папины слова…

Я росла серьезной девочкой, настоящей пионеркой. Теперь у всех такое мнение, что раньше в пионерскую организацию загоняли. Никуда не загоняли. Все дети мечтали быть пионерами. Ходить вместе. С барабаном, с горном. Петь пионерские песни: «Край родной, навек любимый, / Где найдешь еще такой!», «У власти орлиной орлят миллионы, и нами гордится страна…». На нашей семье все-таки было это пятно, что папа сидел, мама боялась, что меня не примут в пионеры или не сразу примут. А мне хотелось быть со всеми. Обязательно, да… «Ты за кого: за луну или за солнце?» – устраивали мне допрос мальчишки в классе. Тут надо быть начеку! «За луну». – «Правильно! За советскую страну». А скажешь «За солнце» – «За проклятого японца». Засмеют, задразнят. Клялись мы друг другу так: «честное пионерское» или «честное ленинское». Самая большая клятва – «честное сталинское слово». Родители знали, если я сказала «честное сталинское», я не обманываю. Бог мой! Вспоминаю не Сталина, а вспоминаю нашу жизнь… Я записалась в кружок и училась играть на аккордеоне. Маму за ударную работу наградили медалью. Не одни только мерзости были… и казарменная жизнь… В лагере папа часто видел образованных людей. Больше нигде он таких интересных людей не встречал. Некоторые из них писали стихи, и они чаще выживали. Как и священники, те молились. И папа хотел, чтобы все его дети получили высшее образование. Мечта его. Мы все – нас четверо детей – окончили институты. Но он научил нас и ходить за плугом, и косить траву. Я умею подать на воз сено, уложить стог. «Все может пригодиться», – считал папа. Он был прав.

Мне сейчас хочется вспоминать… Я хочу понять то, что прожито. Не только свою жизнь, а нашу… советскую… Я не в восторге от собственного народа.
И от коммунистов тоже, и от наших коммунистических лидеров. Сегодня особенно. Все измельчали, обуржуазились, все хотят хорошо, сладко хотят жить. Потреблять и потреблять. Ухватить! Коммунисты тоже уже не те. У нас есть коммунисты с годовым доходом в сотни тысяч долларов. Миллионеры! Квартира в Лондоне… дворец на Кипре… Что это за коммунисты? В чем же их вера? Спросишь – как на дурочку посмотрят. «Не рассказывайте нам советские сказки. Вот этого не надо». Разрушили такую страну! Распродали по бросовым ценам. Нашу Родину… Чтобы кто-то мог ругать Маркса и ездить по европам. Время

такое же страшное, как и при Сталине… Я отвечаю за свои слова! Напишете это? Не верю… (И я вижу – не верит.) Уже нет ни райкомов, ни обкомов. Расстались с советской властью. А что получили? Ринг, джунгли… Власть воров… Хватали – кто быстрее, пирог большой. Бог мой! Чубайс… «прораб перестройки»… теперь он хвастается, лекции по всему миру читает. Мол, в других странах капитализм складывался столетиями, а у нас за три года. Действовали хирургическим методом… А если кто-то наворовал, то и слава богу, может, их внуки будут порядочными людьми. Бррр! И это демократы… (Молчит.) Американский костюмчик примеряли, слушали дядю Сэма. А американский костюмчик не налазит. Криво сидит. Вот! Не за свободой побежали, а за джинсами… за супермаркетами… Купились на яркие упаковки… Теперь и у нас в магазинах полно всего. Изобилие. Но горы колбасы никак не связаны со счастьем. Со славой. Был великий народ! Сделали из него торгашей и мародеров… лабазников и менеджеров…

Пришел Горбачев… Заговорили о возвращении ленинских принципов. Общее воодушевление. Возбуждение. Народ давно ждал перемен. В свое время поверили Андропову… Ну кагэбист, да… Как вам объяснить? КПСС уже не боялись. Возле пивного ларька мужики могли партию обматерить, а кагэбэ – никогда… Вы что! В памяти сидело… Знали, что железной рукой, каленым железом, ежовой рукавицей… эти ребята наведут порядок. Не хочется повторять банальные вещи, но Чингисхан гены нам испортил… и крепостное право… Привыкли, что бить всех надо, без битья ничего не получится. Андропов с этого и начал – с закручивания гаек. Все разболтались: в рабочее время ходили в кино, в баню, бегали по магазинам. Чаи распивали. Милиция стала рейды проводить, облавы. Проверяли документы и хватали прогульщиков прямо на улицах, в кафе, в магазинах и сообщали на работу. Штрафовали, увольняли. Но Андропов тяжело болел. Быстро умер. Мы их хоронили, хоронили. Брежнев, Андропов, Черненко… Самый популярный анекдот до Горбачева: «Передаем сообщение ТААС. Вы будете сильно смеяться, но умер очередной Генеральный секретарь ЦК КПСС…» Ха-ха-ха… Народ на своих кухнях смеялся, а мы на своих. На пятачке свободы. Кухонная болтовня… (Смеется.) Отлично помню, как во время разговоров включали громко телевизор или радио. Целая наука. Учили друг друга, как ухитриться, чтобы гэбистам, прослушивающим телефонные разговоры, ничего не было слышно: прокручиваешь диск – старые телефоны были с дырочками для цифр – вставляешь в одну из них карандаш и фиксируешь… можно пальцем держать, но палец же устает… Наверное, вас тоже учили? Помните? Надо что-нибудь «секретное» сказать, отходили на два-три метра от телефона, от трубки. Стукачество, прослушка – это было везде, во всем обществе сверху и донизу, и мы в райкоме гадали: кто у нас

стукач? Как потом выяснилось, подозревала я невинного человека, а доносчик был не один, их было несколько. Вот на этих я никогда бы не подумала… Одна из них – наша уборщица. Приветливая, добрая женщина. Несчастная. Муж – пьяница. Бог мой! Сам Горбачев… генеральный секретарь ЦК КПСС… Читала в одном его интервью, как во время конфиденциальных бесед у себя в кабинете он делал то же самое – включал телевизор на всю громкость или радио. В общем, азбука. Приглашал для серьезных разговоров на свою дачу за город. И они там… Там они выходили в лес, гуляли и разговаривали. Птички не донесут… Все чего-то боялись, боялись и те, кого боялись. Я боялась.

Последние советские годы… Что я помню? Чувство стыда не покидало. За обвешенного орденами и «звездами» Брежнева и за то, что Кремль в народе прозвали комфортабельным домом престарелых. За пустые прилавки. Планы выполняем и перевыполняем, а в магазинах ничего нет. Где наше молоко? Мясо? Я и теперь не понимаю, куда это все девалось. Молоко кончалось через час после того, как открывались магазины. С обеда продавцы стояли возле чисто вымытых лотков. На полках – трехлитровые банки березового сока и пачки соли, почему-то всегда мокрые. Килька в банках. Все! Выбросят в продажу колбасу – ее разметут в момент. Сосиски и пельмени – деликатес. В райкоме все время что-то делили: этому заводу – десять холодильников и пять шуб, а этому колхозу – два югославских мебельных гарнитура и десять польских женских сумочек. Кастрюли и женское белье делили… колготки… Такое общество могло держаться только на страхе. На чрезвычайке – побольше стрелять и побольше сажать. Но социализм с Соловками и Беломорканалом кончился. Нужен был какой-то другой социализм.

Перестройка… Был момент, когда люди снова потянулись к нам. Вступали в партию. Большие у всех ожидания. Все тогда были наивные – левые и правые, коммунисты и антисоветчики. Все – романтики. Сегодня за это стыдно, за ту свою наивность. Молятся на Солженицына. Великий старец из Вермонта! Не один Солженицын, многие уже понимали, что так, как мы живем, жить нельзя. Заврались. И коммунисты – верите вы мне или нет? – тоже это понимали. Среди коммунистов было немало умных и честных людей. Искренних. Я лично знала таких людей, особенно часто они встречались в провинции. Как мой отец… Отца не приняли в партию, он пострадал от партии, но он ей верил. Верил партии и стране. Каждое утро у него начиналось с того, что он открывал газету «Правда» и прочитывал ее от и до. Коммунистов без партбилетов было больше, чем с партбилетами, они душой были коммунисты. (Молчит.) На всех демонстрациях несли лозунг «Народ и партия – едины!». Эти слова – не выдумка, это была правда. Я никого не агитирую, я рассказываю, как оно было. Уже все

забыли… Многие вступали в партию по совести, а не только из-за карьеры или из прагматических соображений: если я беспартийный и украду – меня посадят, если я вступлю в партию и украду – меня выгонят из партии, но не посадят. Я негодую, когда о марксизме отзываются презрительно, с насмешкой. Скорее его – в мусорный бачок! На свалку! Это великое учение, оно переживет все гонения. И нашу советскую неудачу – тоже. Потому что… есть много причин… Социализм – это не только лагеря, стукачество и железный занавес, это и справедливый, ясный мир: со всеми делиться, слабых жалеть, сострадать, а не подгребать все под себя. Мне говорят: нельзя было купить машину, но ни у кого не было машины. Никто не носил костюмы от Версаче и не покупал дом в Майами. Бог мой! Вожди СССР жили на уровне бизнесменов средней руки, до олигархов им не дотянуть. Слабо! Не строили они себе яхт с душем из шампанского. Подумать только! По телевизору передают рекламу: покупайте медные ванны – стоимостью с двухкомнатную квартиру. Для кого они, скажите? Позолоченные дверные ручки… Это – свобода? Маленький, рядовой человек – никто, он – ноль. На дне жизни. А тогда он мог написать в газету, пойти и пожаловаться в райком: на начальника или на плохое обслуживание… на неверного мужа… Были глупости, не отрицаю, но кто сегодня этого простого человека вообще слушает? Кому он нужен? Помните советские названия – улица Металлургов, Энтузиастов… Заводская, Пролетарская… Маленький человек… он был главный… Декларация, ширма, как вы говорите, а сейчас и прятаться никому не надо. Нет денег – пошел вон! Под лавку! Улицы переименовывают: Мещанская, Купеческая, Дворянская… Даже колбасу я видела «Княжескую», а вино «Генеральское». Культ денег и успеха. Выживает сильнейший, с железными бицепсами. Но не все способны идти по головам, вырывать кусок у другого. У одних природа такая, что они не могут, а другим противно.

С ней… (Кивает в сторону подруги.) Спорим, конечно… Она мне доказывает, что для истинного социализма требуются идеальные люди, а их нет. Идея это бред… сказка… Наш человек уже ни за что не поменяет свою потрепанную иномарку и паспорт с шенгенской визой на советский социализм. А я верю в другое: человечество идет в сторону социализма. К справедливости. Другого пути нет. Посмотрите на Германию… Францию… Есть шведский вариант. А какие ценности у русского капитализма? Презрение к «людишкам»… К тем, у кого нет миллиона, нет «мерседеса». Вместо красного флага – Христос воскрес! И культ потребления… Человек засыпает с мыслью не о чем-то таком высоком, а о том, что он сегодня чего-то не купил. Вы думаете, что страна развалилась, потому что узнали правду о ГУЛАГе? Так думают те, кто книги пишет. А человек… нормальный человек историей не живет, он живет проще: влюбился, женился, дети родились. Дом построил. Страна пропала из-за дефицита женских сапог

и туалетной бумаги, из-за того, что апельсинов не было. Этих джинсов проклятых! Теперь наши магазины похожи на музеи. На театры. И меня хотят убедить, что тряпки от Версаче и Армани – это все, что необходимо человеку. Ему этого достаточно. Жизнь – это финансовые пирамиды и векселя. Свобода – это деньги, а деньги – свобода. А наша жизнь копейки не стоит. Ну, это… ну, это… понимаете… Я даже слов не нахожу, как назвать… Мне жалко моих маленьких внучек. Жалко. Им это по телевизору каждый день вбивают в голову. Я не согласна. Я была и остаюсь коммунисткой.

Прерываемся надолго. Неизменный чай, на этот раз с вишневым вареньем, сваренным по собственному рецепту хозяйки.

Восемьдесят девятый год… Я к этому времени уже была третьим секретарем райкома партии. На партработу меня взяли из школы, я преподавала русский язык и литературу. Моих любимых писателей – Толстого, Чехова… Когда предложили – испугалась. Такая ответственность! Но ни минуты не колебалась, был искренний порыв – служить партии. В то лето я приехала домой в отпуск. Обычно украшений не ношу, а тут купила себе какие-то бусы дешевенькие, мама меня увидела: «Ты – как царица». Была мной восхищена… ну не бусами же! Папа сказал: «Никто из нас тебя ни о чем просить не придет. Ты должна быть чистой перед людьми». Родители гордились! Были счастливы! А я… я… что переживала я? Верила ли я партии? Честно отвечу – верила. И сейчас верю. С партийным билетом не расстанусь, что бы ни случилось. Верила ли я в коммунизм? Честно скажу, не буду врать: я верила в возможность справедливого устройства жизни. И сейчас… я уже говорила… верю. Мне надоело слушать рассказы о том, как нам плохо жилось при социализме. Горжусь советским временем! Шикарной жизни не было, но нормальная жизнь была. Была любовь и дружба… платья и туфли… Жадно слушали писателей и артистов, а теперь перестали. Место поэтов на стадионах заняли колдуны и экстрасенсы. Колдунам верят, как в Африке. Наша… советская жизнь… это была попытка альтернативной цивилизации, если хотите. Если с пафосом… Власть народа! Ну не могу успокоиться! Где вы сегодня увидите доярок, токарей или машинистов метро? Нет их – ни на страницах газет, ни на экранах телевизоров, ни в Кремле, когда вручают ордена и медали. Нигде их нет. Везде новые герои: банкиры и бизнесмены, модели и интердевочки… менеджеры… Молодые еще могут приспособиться, а старики умирают молча, за закрытыми дверями. В нищете умирают, в забвении. У меня пенсия – пятьдесят долларов… (Смеется.) И у Горбачева, я читала, пятьдесят долларов… Про нас говорят: «Коммунисты жили в хоромах, ели черную икру ложками. Себе они построили коммунизм». Бог мой! Я вас водила по своим «хоромам» – обычная

двухкомнатная квартира, общая площадь – пятьдесят семь метров. Ничего не спрятала: советский хрусталь, советское золото…

– А спецполиклиники и спецпайки, «свои» очереди на получение квартир и казенные дачи… партийные санатории?

– Честно? Было это… ну было… но больше там… (Поднимает руку вверх.) А я всегда внизу, самое нижнее звено власти. Внизу, возле людей. Всегда на виду. Если где-то и было… не спорю… Не отрицаю! Читала, как и вы, в перестроечных газетах… что дети секретарей ЦК летали охотиться в Африку. Бриллианты скупали… Все равно не сравнить это с тем, как живут сейчас «новые русские». С их замками и яхтами. Посмотрите, что понастроили они вокруг Москвы. Дворцы! Двухметровые каменные заборы, проволока с электрическим током, видеонаблюдение. Вооруженные охранники. Как в зоне или на секретном военном объекте. Что, там Билл Гейтс живет, компьютерный гений? Или Гарри Каспаров, чемпион мира по шахматам? Там живут победители. Гражданской войны вроде как не было, а победители есть. Там они – за каменным забором. От кого они прячутся? От народа? Народ думал, что прогонит коммунистов и наступят прекрасные времена. Райская жизнь. Вместо свободных людей появились эти… с миллионами и миллиардами… Гангстеры! Стреляют средь бела дня… Даже у нас одному бизнесмену балкон разнесли. Никого не боятся. Летают в личных самолетах с позолоченными унитазами, еще и хвастаются. Сама видела по телевизору… один показывал свои часы ценой в бомбардировщик. А другой – мобильник с бриллиантами. И никто! никто не крикнет на всю Россию, что это стыдно. Мерзко. Когда-то были Успенский и Короленко. Шолохов написал Сталину письмо в защиту крестьян. Теперь я хочу… Вы меня спрашиваете, а я хочу у вас спросить: где наша элита? Почему я читаю каждый день в газетах мнение по любому поводу Березовского и Потанина, а не Окуджавы… Искандера… Как так случилось, что вы уступили свое место? Свою кафедру… И первыми побежали к объедкам со стола олигархов. В услужение. Русская интеллигенция раньше не бегала и не прислуживала. А теперь никого не осталось – нет никого, кто скажет про дух, кроме попа. А где перестройщики?

У коммунистов моего поколения было мало общего с Павкой Корчагиным. С первыми большевиками с портфелями и револьверами. От них осталась только военная лексика: «солдаты партии», «трудовой фронт», «битва за урожай». Мы уже не чувствовали себя солдатами партии, мы были служащие партии. Клерки. Существовал такой обряд – светлое будущее: в актовом зале висел

портрет Ленина, в углу стояло красное знамя. Обряд… ритуал… Солдаты были уже не нужны, требовались исполнители: «давай-давай», а нет – так «партбилет на стол». Приказали – сделал. Доложил. Партия не военный штаб, а аппарат. Машина. Бюрократическая машина. Гуманитариев на службу брали редко, партия им не доверяла со времен Ленина, который писал об интеллигентском сословии: «не мозг, а говно нации». Таких, как я, было мало. Филологов. Кадры ковали из инженеров, зоотехников, из тех, чья специальность – машины, мясо и зерно, а не человек. Кузницы партийных кадров – сельскохозяйственные институты. Нужны были дети рабочих и крестьян. Из народа. Доходило до смешного: ветеринара, например, могли взять на партийную работу, а врача-терапевта – нет. Не встречала там ни лириков, ни физиков. Что еще? Субординация, как в армии… Подъем наверх медленный, со ступеньки на ступеньку: лектор райкома партии, затем – заведующий парткабинетом… инструктор… Третий секретарь… второй секретарь… Я все ступени за десять лет прошла. Это сейчас младшие научные сотрудники и завлабы рулят страной, председатель колхоза или электрик становится президентом. Вместо колхоза – сразу страна! Такое случается только в революцию… (Вопрос – то ли ко мне, то ли к себе.) Не знаю, как назвать то, что произошло в девяносто первом…

Революция или контрреволюция? Никто не пробует даже объяснить, в какой стране мы живем. Какая у нас идея, кроме колбасы? Что строим… Идем вперед – к победе капитализма. Так? Сто лет ругали капитализм: чудовище… монстр… А теперь гордимся, что у нас будет как у всех. Если станем как все, кому мы будем интересны? Народ-богоносец… надежда всего прогрессивного человечества… (Иронично.) О капитализме у всех такое же представление, как недавно о коммунизме. Мечты! Судят Маркса… винят идею… Идея-убийца! А я виню исполнителей. У нас был сталинизм, а не коммунизм. А сейчас ни социализма, ни капитализма. Ни восточной модели, ни западной. Ни империи, ни республики. Болтаемся, как… Помолчу… Сталин! Сталин! Хоронят его… хоронят… А закопать никак не получается. Не знаю как в Москве, а у нас его портреты ставят под ветровое стекло в автомобилях. В автобусах. Дальнобойщики особенно его любят. В мундире генералиссимуса… Народ! Народ! А что народ? Народ сам про себя сказал: из него и дубина, и икона. Как из дерева… Что сделаешь, то и будет… Качается наша жизнь между бараком и бардаком. Сейчас маятник посредине… Полстраны ждет нового Сталина. Вот придет он и наведет порядок… (Опять молчит.) У нас… конечно… в райкоме тоже было много разговоров о Сталине. Партийная мифология. Ее передавали из поколения в поколение. Все любили разговоры о том, как жили при Хозяине… Сталинские порядки были такие: например, заведующим секторами ЦК разносили чай с бутербродами, а лекторам – просто чай. Ввели

должность заместителя заведующего сектора. Как быть? Им решили подавать чай без бутербродов, но на белой салфетке. Уже они отмечены… взобрались на Олимп к богам, к героям. Теперь надо протиснуться к месту у корыта… Так было и при Цезаре, и при Петре Первом. И так будет всегда. Полюбуйтесь на своих демократов… Взяли власть и тут же бегом – куда? К кормушке. К рогу изобилия. Кормушка прикончила не одну революцию. На наших глазах… Ельцин боролся с привилегиями и называл себя демократом, а теперь любит, когда его величают царем Борисом. Стал крестным отцом…

Перечитала «Окаянные дни» Ивана Бунина. (Достает с полки книгу. Находит закладку и читает.) «Помню старика рабочего у ворот дома, где прежде были “Одесские Новости”, в первый день водворения большевиков. Вдруг выскочила из-под ворот орава мальчишек с кипами только что отпечатанных “Известий” и с криками: “На одесских буржуев наложена контрибуция в 500 миллионов!” – Рабочий захрипел, захлебнулся от ярости и злорадства: “Мало! Мало!”». Вам это ничего не напоминает? Мне… да… Напоминает… Горбачевские годы… первые бунты… Когда народ стал вываливать на площади и требовать – то хлеба, то свободы… то водки и курева… Страх! Инсульты и инфаркты у многих партработников. «В кольце врагов», как партия учила, жили, в «осажденной крепости». К мировой войне готовились… Больше всего боялись ядерной войны, а развала не ждали. Не ждали… никак… Привыкли к майским и октябрьским колоннам, к плакатам: «Дело Ленина переживет века», «Партия – наш рулевой». А тут не колонны, а стихия. Не советский народ, а какой-то другой, незнакомый нам. И плакаты другие: «Коммунистов под суд!», «Раздавим коммунистическую гадину!». Сразу вспомнился Новочеркасск… Информация была закрытая, но мы знали… как при Хрущеве голодные рабочие вышли на улицы… их расстреляли… Тех, кто остался в живых, рассовали по лагерям, до сих пор их родные не знают, где они… А тут… тут уже перестройка… Стрелять нельзя, сажать тоже. Надо разговаривать. А кто из нас мог выйти к толпе и держать речь? Начать диалог… агитировать… Мы были аппаратчики, а не ораторы. Я, например, читала лекции и капиталистов клеймила, негров в Америке защищала. В моем кабинете стояло полное собрание сочинений Ленина… пятьдесят пять томов… Но кто его по-настоящему читал? Пролистывали в институтах перед экзаменами: «Религия – опиум народа» и «всякий боженька есть труположество».

Панический был страх… Лекторы, инструкторы, секретари райкомов и обкомов – все мы боялись выезжать к рабочим на завод, к студентам в общежитие. Пугались телефонных звонков. А вдруг спросят о Сахарове или о Буковском… что отвечать? Враги они советской власти или уже не враги? Как оценивать

«Дети Арбата» Рыбакова и пьесы Шатрова? Никакой команды сверху… Раньше тебе сказали – ты выполнил поручение, провел линию партии в жизнь. А тут: бастуют учителя, требуют повышения зарплаты, молодой режиссер в каком-то заводском клубе репетирует запрещенную пьесу… Бог мой! На картонной фабрике рабочие на тачке вывезли за ворота своего директора. Горланили. Били стекла. Ночью зацепили железным тросом и свалили памятник Ленину. Показывали ему кукиши. Партия растерялась… Я помню растерянную партию… Сидели в своих кабинетах за закрытыми шторами. У входа в здание райкома днем и ночью дежурил усиленный наряд милиции. Боялись народа, а народ еще по инерции боялся нас. Потом бояться перестали… Собирались на площади тысячи людей… Плакат запомнила: «Даешь 1917 год! Революцию!». Была потрясена. Пэтэушники какие-то с ним стояли… молодые ребята… Птенцы! Один раз пришли в райком парламентеры: «Покажите свой спецмагазин! У вас там всего полно, а наши дети в голодные обмороки падают на уроках». Никаких норковых шуб и черной икры в нашем буфете они не нашли, но все равно не поверили: «Обманываете простой народ». Все пришло в движение. Зашаталось. Горбачев был слаб. Лавировал. Вроде он за социализм… и капитализма хочется… Больше думал о том, как понравиться в Европе. В Америке. Там ему аплодировали: «Горби! Горби! Ай да Горби!». Заболтал перестройку… (Молчит.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/svetlana-aleksievich/vremya-sekond-hend-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити